

В этом шкафу много скелетов: политическое использование традиции в современной России*

Святослав Каспэ

Доктор политических наук, профессор, департамент политики и управления,
факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Главный редактор журнала политической философии и социологии политики «Полития»

Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000

E-mail: kaspe@politeia.ru

Рассматривая традицию как особую фигурацию людских взаимодействий, свойственную вовсе не традиционным, а, напротив, современным и меняющимся обществам, автор сосредоточивает свое внимание на ее использовании в качестве категории политической борьбы и орудия власти. В современной России выделяются четыре стра-ты, каждой из которых свойственны свои модусы обращения с традицией, — научное сообщество, интеллектуальные элиты (рефлексивные и функциональные), политические элиты и массы (то есть все группы, не относящиеся к перечисленным). Научная среда в целом следует идеалу профессиональной нейтральности. Интеллектуальные элиты производят более или менее политически ангажированные трактовки традиции, руководствуясь как собственным моральным пафосом, так и своими договорными обязательствами перед политическими элитами. Последние непосредственно используют традицию как орудие политического управления. Такое использование: а) инструментально; б) в высокой степени индифферентно к содержанию тех политических программ и курсов, защитой которых призвано служить; в) в высокой степени индифферентно к аутентичности самой традиции. Однако эффективность мотивированных традицией управляющих воздействий, адресуемых элитами массам, остается весьма сомнительной. Исследований, позволяющих установить, что именно российские массы считают для себя традиционным и насколько позитивно эту традиционность оценивают, до недавнего времени не проводилось — ситуация начала меняться только в последние годы благодаря работам группы ЦИРКОН. И все же пока неизвестно, насколько апелляция к традиции (то есть к той субстантивированной спекуляции, которую предлагается считать традицией) способна сыграть интегрирующую и легитимирующую роль, ожидаемую от нее политическими элитами.

Ключевые слова: традиция, ценности, современная Россия, интеллектуальные элиты, политические элиты, политическое использование традиции, массовое сознание

---

* Игорь Вениаминович Задорин побудил меня к написанию этой статьи. Мягкие и мудрые советы Александра Фридриховича Филиппова помогли придать тексту окончательную форму. Им обоим я выражаю свою глубокую признательность.

Неизвестно, кто первый открыл воду, но уж наверняка это сделали не рыбы.

А. и Б. Стругацкие. «Мальш»

— Я духов вызывать из тьмы умею.

— И я, как, впрочем, всякий человек. Все дело в том лишь, явятся ли духи.

У. Шекспир. «Ричард III»

(пер. Б. Пастернака)

Духи, знаете ли, бывают разные.

К.С. Льюис. «Переландра»

(пер. Л. Сумм, Н. Трауберг)

1

В традиционных обществах традиций нет. Можно, конечно, сказать, что традицией в них является решительно всё, все элементы социальной ткани (как и сама ее структура), но это было бы, во-первых, упрощением, во-вторых, анахронизмом. Подобное суждение может быть сделано только извне традиционного общества (см. первый эпиграф), из заместившей его социальной реальности (но из него же возникшей, потому что возникать ей было больше неоткуда). В традиционных обществах просто отсутствовал тот фон, на котором можно обнаружить особую фигурацию¹ людских взаимодействий, определимую как «традиция». Отсюда не следует, что в них не случались всякого рода новации, девиации и эксцессы. Случались, иначе никаких обществ, кроме традиционных, не было бы и сегодня. Только когда преодолевается порог накопления критической массы экстраординарных событий (заранее не известный), когда они собираются в устойчивые паттерны расширенных социальных взаимодействий, когда они сами превращаются в рутинный и вместе с тем беспокоящий, порождающий перманентную тревогу фон — тогда и замечаются фигуры «традиций». «Осмысление традиции... начинается тогда, когда она оказывается под вопросом, становится объектом сомнения, критики, защиты, обоснования и почитания» (Гофман, 2008: 334). Происходит это, в терминологии раннего Сэмюэла Хантингтона, в «меняющихся обществах» (Хантингтон, 2004).

В них и получает множественные, спорные и оспариваемые толкования понятие традиции, извлеченное из неисчерпаемого арсенала классической латыни и имевшее в нем узкое, конкретное значение. Оно образовано от глагола *tradere* («передавать», «вручать»); в римском праве термин *traditio* означал буквальную, физическую передачу от одного лица к другому, желательно из рук в руки, некоего

---

1. Термин Норберта Элиаса (Элиас, 2000: 62–65).

материального объекта или его символического выражения (например, ключей от дома). В частности, по завещанию, но не только².

Внимание к происхождению слов бывает полезно для уяснения их актуального смысла и тогда, когда он с течением времени изменился, расширился или стал переносным. На семантических полях понятий, в том числе понятий политических, лежит печать их происхождения. Даже если она стерта до почти полной неразличимости и сам говорящий не замечает ее, она продолжает неявно задавать определенные ассоциации и коннотации, программируя тем самым политические эффекты того или иного словоупотребления, усиливая их, ослабляя или порождая непреднамеренные последствия. Это важно: ведь «категории, которые делают социальный мир возможным, суть главная задача политической борьбы, борьбы столь же теоретической, сколь и практической, за возможность сохранить или трансформировать социальный мир, сохраняя или трансформируя категории восприятия этого мира»; возможность, которая «представляет собой чудовищную социальную власть» (Бурдьё, 1993: 66–67). Следовательно, традиция как категория политической борьбы и орудие власти означает нечто, изначально не принадлежащее тому субъекту, который ею орудует, нечто, им полученное, приобретенное — и не обязательно от предков. Акт *traditio* может исходить от кого угодно или, точнее, к кому угодно возводиться. Поэтому традицию можно признать «чуждой», осудить ее и отвергнуть — или, наоборот, счесть основанной на «мировом опыте» «лучшей практикой» и перенять, заимствовать. Этот акт не обязательно подразумевает сознательное намерение передающей стороны: бывает же так, что право наследования возникает в отсутствие завещания, а право собственности — без формальной сделки, в силу «добросовестного владения» и «приобретательной давности». Откуда началась цепочка передачи традиции, конечно, интересно и существенно, хотя и не всегда поддается точному установлению — звеньев в этой цепочке может быть несколько и даже много. Пути диффузии традиций (как и инноваций) весьма запутанны. И если ограничить поле зрения только «предками», то ведь их тоже много — и разных поколений, и разных генеалогических ветвей. Они состояли друг с другом в разных отношениях (как заметила одна преподавательница истории, «наши предки убивали и насиловали наших предков») и не предполагали, что им всем предстоит породить именно вот этих потомков, вот это современное общество. Намного более существенно, что принимающая сторона (потомки, современное общество) делает с результатом акта *traditio*. Ведь теперь он в его полном распоряжении.

На Западе радикальное расширение смысла понятия традиции произошло на заре Нового времени (в английском языке — приблизительно в конце XVI века³). В России, конечно, позже. Судя по всему, первое включение слова в русские словари датируется 1865 годом, а в качестве единственного эквивалента предлагается «предание» (Михельсон, 1865: 625). Любопытно, что статье «традиция» в словаре

2. <https://www.etymonline.com/word/tradition>. См. также: Congar, 2004: 20; Гаврилова, 2020.

3. <https://www.etymonline.com/word/tradition>

Михельсона предшествует еще и статья «традитор» — «передаватель преданий». Вообще-то *traditor* на латыни означает прежде всего «предатель» — ср. *traditore* (ит.), *traidor* (исп.), *traître* (фр.), *traitor* (англ.). Действительно, предатель — это же и есть тот, кто предает, передает кого-то или что-то в чужие руки. Возникают неудобные, даже неприятные вопросы: не содержит ли имплицитно акт *traditio* нечто от предательства? Можно ли передать, никого не предавая? Не представляет ли собой вся история политического использования традиции — как взыскуемого меняющимися обществами транквилизирующего средства — череду сменяющих друг друга вольных и невольных, намеренных и нечаянных предательств? Не так-то ли и любая национальная история вообще — всегда болезненная, нервная история конструирования и сбережения нации? Не начинается ли купированная через апелляцию к традиции тревожность возвращаться с новой силой? Поиски ответов на эти вопросы завели бы слишком далеко в дебри отвлеченных спекуляций, но отделаться от них не удастся.

Россия — меняющееся общество. Проблема устойчивости политического порядка, в том числе проблема соотношения проспективных и ретроспективных, промодернистских и проконсервативных тенденций и сил, в ней стоит чрезвычайно остро. Фигуры традиций присутствуют и в политическом дискурсе, и в политической практике. Их проекции заметны в институциональном (в том числе конституционном) дизайне, в конкурирующих политических программах и курсах, в отдельных политических решениях, а также в жарких дискуссиях по всем этим поводам, ведущихся как на стадии предварительных обсуждений, так и *post factum*. Однако модусы функционирования традиции в различных российских средах и стратах (и в производимых ими нарративах) различаются. Различаются они и во всех меняющихся обществах, одной из главных характеристик которых является «умножение и диверсификация наличных... социальных сил» (Хантингтон, 2004: 28), а значит, и их дискурсов. Несколько упрощая картину, таких сред, страт и сил в российских реалиях можно выделить четыре — или, точнее, три с половиной:

- научное сообщество;
- интеллигенция — впрочем, не имеющая выраженного автономного профиля, что позволяет квалифицировать ее как в лучшем случае полсилы (подробнее об основаниях такой квалификации будет сказано ниже);
- политические элиты — в том числе суб- и контрэлиты;
- «широкие народные массы» — все группы, не относящиеся к вышеназванным.

Проще всего дело обстоит в отечественной науке — и здесь нет надобности в подробном обсуждении. Во-первых, потому, что я для этого недостаточно компетентен — традиция *per se* никогда не была и вряд ли станет предметом моего ис-

следовательского интереса, ни теоретического, ни эмпирического, и эта статья написана из позиции внимательного, но внешнего наблюдателя. Во-вторых, не стоит создавать риск расфокусирования подобного взгляда — наука в своем идеально-типическом виде не занимается политическим использованием чего бы то ни было, а если отдельные ученые берут на себя такую ответственность и включаются в процессы политического управления, то это означает частичную, а иногда и полную смену ролевой модели. Поэтому достаточно констатировать: в том, что касается теоретического осмысления феномена традиции, российская наука следует в том же русле, что и зарубежная (глобальная или мировая), не опережая, но и не отставая от нее.

Российским ученым хорошо известны и глубоко ими проработаны как классические определения традиции из трудов Макса Вебера («значимость того, что было всегда»; «вера в святость пришедших из прошлых времен („издревле существующих“) порядков и господских прав» [Вебер, 2016: 95, 264]), Эдварда Шилза («все то, что передается из прошлого в настоящее... на протяжении по крайней мере трех поколений»; «руководящий паттерн»; «имманентная ценность» [Shils, 1981: 12, 15, 32, 328]), Шмуэля Айзенштадта («фрагменты... социального и культурного опыта, ставшие наиболее влиятельными способами решения... проблем и сохраняющиеся при всех исторических, структурных и организационных переменах» [Eisenstadt, 1973: 120]); «принятие некоей фигуры, события или порядка прошлого (реального или символического) в качестве средоточия коллективной идентичности, указателя пределов и характера социального и культурного порядка» [Айзенштадт, 1999]), Эрика Хобсбаума («совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели — повторение. Последнее автоматически предполагает преемственность во времени», хотя в случае «изобретенных традиций» — которых намного больше, чем «подлинных» — «их связь с историческим прошлым по большей части фиктивна» [Хобсбаум, 2000: 48]), Петра Штомпки («совокупность объектов и идей, особое значение которых люди связывают с их происхождением в прошлом» [Штомпка, 1996: 91]), Энтони Гидденса («все являются выдуманными... отличительные характеристики — ритуальность и повторяемость... являются принадлежностью группы, сообщества, коллектива... не относятся к свойствам индивидуального поведения... определяют некие истины... являются руководством к действию... имеются хранители — старейшины, священники, мудрецы... положением и властью они обязаны тому, что только они способны толковать ритуальную истину» [Гидденс, 2004: 57–58]), так и новейшая литература вопроса. Довольно случайным образом в России приобрела широкую известность книга Ежи Шацкого (Шацкий, 1990) (перестроечное книгоиздание бывало непредсказуемо в выборе приоритетов). Но это хорошая книга, и многие ее внимательно прочитали.

Здесь невозможно упомянуть все достойные упоминания имена работавших с понятием традиции отечественных авторов, равно как и сослаться на все их тексты, достойные изучения и цитирования, — перечисление неизбежно будет выборочным. Но в любом подобном перечне будут, скорее всего, названы Эдуард Маркарян, Юрий Левада, Александр Гофман, Леонид Ионин, Ольга Малинова, Алексей Миллер, Светлана Лурье, Александр Захаров... Это только те, чьи труды содержат оригинальные концептуализации понятия. А достойных конкретных исследований — например, посвященных российской политической культуре (в составе которой традиция, естественно, занимает огромное место), или структуре ценностных ориентаций российского общества, а также выполненных в дисциплинарных рамках этнографии, социальной и политической антропологии и психологии и т. д., — и вовсе не счесть.

3

Первая страта, смежная с научным сообществом, но оперирующая понятием традиции уже политическим образом, — российская интеллектуальная элита, или попросту интеллигенция. Да, она существует до сих пор — на ее регулярно объявляемые похороны так никто и не является, кроме самой же интеллигенции, произносящей прочувствованные речи, а потом расходящейся, чтобы вновь предаться прежним занятиям. Едва ли не главнейшее из них — размышления о прошлых и будущих «путях России», то есть о традиции в ее актуальных преломлениях.

Однако «интеллектуальная элита неоднородна, и речь вовсе не только о существовании в ее составе различных школ, кружков, течений мысли и т. д. Фактически можно говорить о существовании двух очень различных групп интеллектуальной элит: функциональных и рефлексивных» (Салмин, 2010: 237). Первые ориентированы на интеллектуальное обеспечение практического действия, предпринимаемого элитами политическими (о которых будет сказано позже), на предвидение последствий такого действия, его легитимацию (или делегитимацию) и проч. Вторые «свободно экспериментируют во всем пространстве культуры» (Там же) — не будучи, в отличие от первых, жестко связаны узами лояльности той или иной политической группе или государственной власти, но все же имея и транслируя свои политически референтные воззрения.

Общего у них то, что и те, и другие, в отличие от научного сообщества, производят не аналитические, а ценностно окрашенные, рекомендательные суждения (в том числе о традиции). Различаются же они тем, что рефлексивные элиты стремятся быть ближе к идеалу ценностно нейтральной науки и ее стандартам доказательности, хотя и постоянно примешивают к ним (в той или иной пропорции) моральный пафос — или, по выражению братьев Стругацких, «бред взбудораженной совести». Функциональные элиты — также, вероятнее всего, руководствуясь в большинстве случаев моральным пафосом (закоренелых циников тут вряд ли больше, чем в среднем по генеральной совокупности), — исполняют свои дого-

ворные (то есть добровольно принятые и обоюдные) обязательства перед политическими элитами и говорят преимущественно на языке политики, не науки. А ведь «принятие какой-либо стороны, борьба, страсть — *ira et studium* — суть стихия политика» и функциональных элит тоже; «страсть — в смысле... страстной самоотдачи „делу“, тому богу или демону, который этим делом повелевает» (Вебер, 1990: 666, 690). Для языка науки, в своем идеальном типе выражающейся *sine ira et studio*, тут остается мало места (разве что остаточные следы личных биографий).

Отсюда ясно, почему интеллигенция в своем отношении к традиции (как и во всех иных) не обладает каким-либо выраженным, автономным профилем, почему она представляет собой именно «прослойку», как принято было выражаться в советскую эпоху, но не слой. Во-первых, в обоих ее субсегментах представлены все мыслимые, а подчас и немислимые идеологические интерпретации российской традиции. В случае функциональных элит они ограничены кругом политических программ и курсов, продвигаемых элитами политическими или имеющих шанс таковыми стать; в случае рефлексивных элит — не ограничены вообще ничем. В интеллигентских нарративах, в отличие от научных, часты трактовки традиции как самовозникшей и самовоспроизводящейся, безначальной и бессубъектной силы — это, пожалуй, единственный их общий знаменатель, не являющийся предиктором позитивной или негативной оценки самой традиции. В содержательном плане эти трактовки покрывают весь спектр политических ориентаций, по какой оси его ни структурируй, — от левых до правых, от консервативных до прогрессистских, от светских до клерикальных, от почвеннических до западнических, от лояльных до оппозиционных и т. д. (см. третий эпиграф). Имен и текстов на любой вкус тут слишком много, чтобы их можно было систематически обозреть. Оценить масштабы творящейся в отечественном публичном пространстве «цветущей и жужжащей неразберихи» (Уильям Джеймс) позволяют, например, материалы организованной фондом «Либеральная миссия» дискуссии «Российское государство: вчера, сегодня, завтра» (Клямкин, 2007). Впрочем, даже этот внушительный фолиант не дает полной картины — многие персоны и позиции (прежде всего экзотические и маргинальные, но не только) и в него не вместились. Конечно, распределение асимметрично. Консерваторы рассуждают о традиции чаще и охотнее прогрессистов, почвенники — чаще западников, клерикалы — чаще секуляристов, лоялисты — чаще оппозиционеров. Однако оно все равно не одномерно — привычные шаблоны идеологического восприятия в данном случае не срабатывают. Встречаются и либералы-западники, в элементах русской традиции (чаще всего называется средневековый Новгород) обнаруживающие подкрепление своих ценностных установок (Янов, 2007–2009); и не менее либерально настроенные православные консерваторы (Пивоваров, 2006, 2014; Ильин, 2020); и православные же консерваторы, непримиримо атакующие и Запад, и либерализм, а заодно с ними современный российский политический порядок⁴; и неоязычники-«родноверы»,

4. См. выступления и проповеди клирика московского храма Рождества Иоанна Предтечи в Сокольниках прот. Олега Стеняева или ныне отлученного от Церкви бывшего схиигумена Среднеуральского женского монастыря Сергея Романова.

опять-таки со ссылками на русскую традицию отвергающие неорганичное для славянской культуры, навязанное ей православие (Гаврилов, Наговицын, 2002; Кавыкин, 2004); и проч., и проч.

Во-вторых, хотя рефлексивный сегмент интеллигенции тяготеет скорее к научному дискурсу, а функциональный — к политической риторике и даже пропаганде, «сосуществование и взаимодействие этих двух весьма различных по функциям и этосу интеллектуальных элит порождает массу артефактов и чрезвычайно запутывает ситуацию с точки зрения исследователя» (Салмин, 2010: 238). «Персональные перемещения из одного разряда в другой, попытки усидеть на двух стульях, частичные обмены функциями и статусами, причем инициированные как изнутри интеллектуальной среды, так и извне ее (пересматривающими свой ресурсный пакет политическими элитами), являются скорее правилом, чем исключением»; и все-таки «в норме категориальное различие функциональной и рефлексивной элит остается возможным постольку, поскольку члены их сохраняют способность к выстраиванию и поддержанию адекватного ролевого поведения, даже неоднократно переходя от одной роли к другой (например, многие американские интеллектуалы, подчиняясь чередованию президентств, то мобилизуются на правительственные должности, то возвращаются в университеты и аналитические центры, то вновь рекрутируются системой принятия решений)» (Каспэ, 2012: 98–99). В России меньше случаев срабатывания механизма «вращающихся дверей» (*revolving doors*), и совсем редко он работает дольше одного политического цикла, однако подобные примеры есть⁵. Но дело обстоит еще труднее.

Потому что, в-третьих, российской интеллигенции плоховато удается выстраивание какого-либо «адекватного ролевого поведения». Она представляет собой, по выражению Салмина, «синкретическое сообщество»: «„Гиперфункционализм“ со всеми его интеллектуальными и нравственными издержками — с одной стороны, „недореклексия“ — с другой: такова плата интеллектуальной элиты за этот синкретизм» (Салмин, 2010: 292). «Ценностно насыщенное высказывание говорящий не способен перевести на язык действия; причастный к действию не в состоянии хоть сколько-нибудь убедительно представить его ценностный смысл... это нередко — шизофреническим образом — один и тот же человек, парализованный своей ролевой двойственностью» (Каспэ, 2012: 99). Этот общий диагноз в полной мере относится и к интеллигентским способам обращения к традиции и с традицией.

---

5. См. — навскидку — жизненные траектории побывавших в разное время на государственной службе и/или в составе политической элиты математика Георгия Сатарова, юриста Михаила Краснова, этнолога Валерия Тишкова, социолога Игоря Задорина, доктора исторических наук Владимира Мединского, менеджера Владислава Суркова, политологов Вячеслава Никонова, Марка Урнова, Глеба Павловского, Алексея Чеснакова, Дмитрия Бадковского, Константина Костина, Аббаса Галлямова, Алексея Чадаева, Екатерины Шульман... Вообще-то не так уж мало примеров набирается. А ведь сюда еще можно прибавить не чуждых научной и/или интеллигентской рефлексии экономистов, от Евгения Ясина и Егора Гайдара до Григория Явлинского и Сергея Глазьева.

Следующий оператор традиции — политические элиты, то есть все индивидуальные и групповые акторы, на постоянной основе участвующие в процессе не только обсуждения и подготовки (это делают и элиты интеллектуальные), но и принятия, осуществления, оспаривания, пересмотра и отмены политических решений. Множественное число здесь уместно потому, что политическая элита стратифицирована (как минимум по параметрам федерального/регионального охвата и силового/несилового наполнения ресурсного пакета; но и внутри этих подразделений есть свои вложенные стратификации) и диверсифицирована — помимо собственно правящей элиты, есть еще и контрэлиты, характеризующиеся разной степенью оппозиционности по отношению к элите правящей (ср. несовпадающие различия парламентской и непарламентской, «системной» и «несистемной» оппозиции) и опять же стратифицированные внутри себя. Как уже отмечалось, в состав политической элиты время от времени попадают выходцы из других страт — и интеллигентской, и даже академической. Но, во-первых, доля их пренебрежимо мала, во-вторых, не они задают тон — политическая логика обращения с традицией определяется эндогенными свойствами политики как таковой, а не случайными примесями к ее основному действующему веществу.

Теперь трюизм: политические элиты прибегают к традиции (как и к любым другим символическим ресурсам) по политическим причинам и в политических целях, то есть стремясь (с разной, вплоть до минимальной, степенью осознанности) повлиять на «образование и распределение власти» (Lasswell, Kaplan, 1950: xiv). Которое, в свою очередь, представляет собой «образование и распределение ценностей» (van Deth, Scarbrough, 1998: 24). В том числе «традиционных», что бы это ни значило. А означает оно для политических элит (и, опосредованно, для их аудиторий) очень разные вещи.

Но — неизменно важные. В качестве отправной точки для дальнейшего анализа политического использования традиций можно обратиться, например, к президентским посланиям Федеральному Собранию (*de facto — urbi et orbi*, в них встречаются прямые обращения и ко всем гражданам России, и к внешним контрагентам). Послания не без оснований принято считать важнейшим и высшим жанром политического высказывания главы государства российского. Не имея никакого закрепленного конституционного и вообще юридического статуса, они тем не менее обладают значительной инструктивной силой, поддерживаемой президентскими поручениями, правительственными решениями и законодательными актами. Что еще важнее, в них формулируется и транслируется *Zeitgeist*, «дух времени», нерв «текущего момента» — точнее, то, что предлагает, просит и требует считать таковым первое лицо государства. Они приблизительно ежегодны (в 1994–2020 гг.; был пропущен только 2017 год), то есть образуют достаточный для наблюдений ряд, состоящий сейчас из 26 элементов. В таблице представлены ре-

зультаты подсчета вхождений⁶ в президентские послания слова «традиция» и его деривативов.

Президент	Год	Количество
Ельцин	1994	10
	1995	8
	1996	6
	1997	1
	1998	5
	1999	13
Путин	2000	2
	2001	3
	2002	0
	2003	3
	2004	1
	2005	4
	2006	3
	2007	3
Медведев	2008	4
	2009	5
	2010	1
	2011	1
Путин	2012	9
	2013	7
	2014	4
	2015	4
	2016	2
	2017 (послания не было)	—
	2018	2
	2019	2
	2020	2
Всего		105

Безусловно, тут присутствуют некоторые неизбежные aberrации. С одной стороны, иногда явные отсылки к традиции в посланиях делались без употребления самого этого слова. Например, знаменитые слова Путина из послания 2012 года

6. Я благодарен Татьяне Белюге (группа ЦИРКОН), выполнившей подбор и обработку материалов.

(«Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг к другу, поддержки и взаимопомощи, — дефицит того, что всегда, во все исторические времена делало нас крепче, сильнее и чем мы гордились»⁷) прозвучали прямо перед учтенным в таблице вхождением: «Мы должны всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение». Случается и так, что тема традиции становится генеральной для президентских выступлений иного жанра, также воспринимаемых как программные, — как это было с речью Путина на юбилейном заседании Валдайского клуба в 2013 году⁸. На 25 минут в ней пришлось девять отсылок к традиции — против тех же девяти, сделанных за 82 минуты оглашения послания 2012 года. Впрочем, тут нет ничего удивительного — круг затрагиваемых в послании тем гораздо шире, а валдайская речь просто подкрепляла и развивала намеченный ранее тренд. С другой стороны, не всегда слово «традиция» и его производные употреблялись в посланиях в смысле, значимом для настоящего анализа. Например, в 1999 году Ельцин упоминал, причем одобрительно, «нетрадиционные методы лечения»; Путин в 2007 году говорил, также одобрительно, о том, что «в большинстве стран рыбная отрасль традиционно закрыта для иностранцев», а в 2014 году — и вовсе о «традиционной встрече в Сочи с руководством Министерства обороны, с командующими родами и видами войск, с ведущими конструкторами оборонных предприятий». Однако подобные aberrации редки — общая картина обрисовывается достаточно четко. И она контринтуитивна.

Потому что не просматривается никакой корреляции между частотой упоминаний традиции и укorenившимися в общественном сознании образами политических эпох и их эпонимов, то есть верховных правителей, чье имя эпохе присваивается. На долю всего лишь шести (меньше четверти) посланий «прогрессиста», «реформатора» и чуть ли не «революционера» Ельцина приходится почти половина таких упоминаний (в среднем — чуть более семи на послание). Для посланий Медведева, повестку президентства которого принято описывать не как «революционную», конечно, но все-таки как «прогрессистскую» и «реформаторскую», аналогичный средний показатель составляет чуть менее трех. Для посланий Путина — чуть более трех, причем для первого его президентского срока, который, в отличие от последующих, чаще всего также оценивается как наиболее «прогрессистский» и «реформаторский», — два ровно.

Пожалуй, единственная корреляция, которую можно обнаружить при внимательном взгляде на таблицу, — между частотой обращения к традиции и устойчивостью собственного положения первого лица, как она субъективно им воспринимается (точнее, не только президентом *in person*, а еще и кругом его ближайших помощников, советников и спичрайтеров, работающих над посланиями). Отсюда хорошо заметные пики в начале и конце эпохи Ельцина, а также более сглажен-

7. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699/page/2>

8. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>

ные, но все равно заметные — в начале каденции Медведева и в начале третьего президентского срока Путина (то есть сразу после «обратной рокировки» 2011–2012 годов и на фоне неожиданно спровоцированных ею «болотных» протестов). Все эти разные во всех остальных отношениях политические ситуации объединяет одно — их беспрецедентность.

Конечно, на таком скудном материале нельзя сделать уверенных выводов — только гипотетические. Наверняка было бы полезно расширить эмпирическую базу, причем сразу в нескольких направлениях. Стоило бы включить в нее все президентские публичные выступления; программные заявления глав правительства, министров и руководителей федеральных ведомств; материалы парламентских дискуссий, причем ведущихся не только на пленарных заседаниях обеих палат, но и в комиссиях и комитетах; пояснительные записки и экспертные заключения к законопроектам и т. п. Важен был бы и региональный срез. Ведь культурно и политически российское пространство весьма разнообразно; при этом в некоторых отношениях субъекты Федерации представляют собой уменьшенное фрактальное подобие политического целого. Так, главы большинства из них обращаются к руководимым ими сообществам с ежегодными посланиями, функционально аналогичными президентским; заседают legislatures; обсуждаются и принимаются законодательные акты регионального уровня (а также всякого рода концепции и стратегии)... Кроме того, релевантные теме традиции мнения, в том числе сопрягаемые с политическим положением, высказываются в текстах соборных постановлений, речей и проповедей иерархов «традиционных» вероисповеданий. То же делают и светские «лидеры общественного мнения»...

Мобилизовать и проштудировать весь этот колоссальный корпус источников в рамках настоящего исследования, посвященного общей постановке вопроса, невозможно⁹. Однако даже поверхностный взгляд позволяет сформулировать несколько предположений, требующих верификации, но все-таки годных для принятия за основу.

а) Политическое использование традиции инструментально. Оно применяется в оперативных целях — когда политики, осознавая или ощущая (интуиция в политике намного важнее рациональности) неустойчивость общей ситуации и/или собственного положения в ней, нуждаются в дополнительном ценностном подкреплении своей легитимности, стратегического курса и тактических ходов. Обращение к традиции в подобных условиях почти неизбежно. Не только потому, что она имеет преимущественно ценностную природу, но и потому, что, как полагают политики, «традиционные ценности» более конвенциональны, чем «ценности перемен», а значит, более эффективны как средство завоевания и удержания массовой поддержки и, следовательно, политической стабилизации.

---

9. Отдаю, что отдельные сюжеты все же привлекают внимание наблюдателей. См.: Арутюнова, 2009; Галактионова, 2013; Ухватова, 2018; а также <https://fpp.spb.ru/sites/fpp.spb.ru/files/fpp-review-of-messages.pdf>, особенно раздел «Гуманитарное пространство», подразделы «Апелляция к опыту предшественников» и «Метафоры, идеологические конструкции, поиски образа будущего».

Похоже, что именно так объясняется, скажем, появление в 2005 году в центре Москвы, на территории храма Христа Спасителя, памятника императору Александру II, выполненного скульптором Александром Рукавишниковым в совершенно традиционном, то есть официозном стиле. Такова же была и церемония открытия, включавшая освящение памятника патриархом Алексием II. При этом сама инициатива по его установке принадлежала партии «Союз правых сил» (СПС), считавшейся основным оплотом либеральных, демократических, прозападных и т. п. (то есть как бы контртрадиционных и уже, в отличие от краткого периода начала 2000-х годов, оппозиционных) сил и взглядов. Более того, финансирование всего проекта также было обеспечено СПС, а его видные представители — Борис Немцов (убитый в 2015 году в нескольких сотнях метров от статуи Царя-освободителя) и Альфред Кох (примерно тогда же окончательно эмигрировавший из России по политическим мотивам) — участвовали в этом «сценарии власти»¹⁰ совместно не только со священноначалием РПЦ, но и со своим непримиримым политическим оппонентом, мэром Москвы Юрием Лужковым. На тот момент СПС уже неуклонно двигался к упадку — на парламентских выборах 2003 года партия не преодолела 5% барьер, а в 2008 году самораспустилась. Событие 2005 года очень походило на попытку развернуть процесс деградации политического проекта вспять, ухватившись за соломинку — за государственническую, более того, монархическую традицию. То, что этот проект с этой традицией по своему содержательному наполнению, ассоциативному спектру и стилистике никак не корреспондировал, служит подтверждением не только первого тезиса (об инструментальности политического использования традиции), но и следующего.

б) Политическое использование традиции в высокой степени индифферентно к содержанию тех политических программ и курсов, защитой которых призвано служить. Так, главы регионов апеллируют к традиции и в модернизаторских целях (например, включая в число ресурсов развития инвестиционного климата, предпринимательского духа и деловой активности традиции местного дореволюционного купечества), и в сугубо охранительных (например, осуждая оппозиционные настроения и протестные выступления как несовместимые с народными традициями). И в модернизаторские, и в охранительные тона могут окрашиваться любые локальные традиции — калининградские, дальневосточные, поморские, чеченские, сибирские, крымские, промышленные, крестьянские, православные, мусульманские, советские, досоветские... Структурно и функционально эти апелляции идентичны.

Что не означает их полной взаимозаменяемости. Каждый политик обладает своим бэкграундом и габитусом, предрасполагающими к использованию наиболее органичных для него инструментов из всего доступного арсенала (не говоря уже о том, что нет никаких оснований считать политиков — во всяком случае, поголовно — конченными оппортунистами, совершенно лишенными собственных

---

10. Термин Ричарда Уортмана. См.: Уортман, 2002.

убеждений и ценностей). И все-таки та или иная традиция для них — предмет выбора, причем выбора преимущественно рационального, часто между традициями исторически и сущностно противоположными, осуществляемого в категориях выгод и издержек. Это хорошо видно из ретроспективных размышлений Ельцина (обширный фрагмент приводится в сильном сокращении):

В 1991 году Россия объявила себя правопреемницей СССР. Это был абсолютно грамотный, логичный юридический шаг... Выйди мы из этого юридического пространства, и возникло бы столько вопросов, такая «головная боль», к которой в то сложное время мы были явно не готовы...

Но сейчас я думаю: а что бы было, если бы новая Россия пошла другим путем и восстановила свое правопреемство с другой Россией, прежней, загубленной большевиками в 1917 году?..

Конечно, на этом пути возникли бы большие трудности... Но... у этой коренной ломки общественного устройства были бы свои несомненные плюсы.

Мы бы жили по совершенно другим законам — не советским законам... а по законам, уважающим личность... Нам бы не пришлось заново создавать условия для возникновения бизнеса, свободы слова, парламента и многого другого, что уже было в России до 1917 года. Кстати, была частная собственность на землю. А главное, мы, россияне, совсем по-другому ощущали бы себя — ощущали гражданами заново обретенной Родины. Мы бы обязательно гордились этим чувством восстановленной исторической справедливости! Иначе бы относился к нам и окружающий мир. Признать свои исторические ошибки и восстановить историческую преемственность — смелый, вызывающий уважение шаг...

Несомненные выгоды от такого решения... мне кажется, тогда, в 91-м, были нами... упущены... Быть может, когда-нибудь россияне захотят сделать такой шаг. (Ельцин, 2000: 196–197)

в) Политическое использование традиции в высокой степени индифферентно и к ее аутентичности. Безусловно, не бывает ни традиций, переходящих через века в полностью неизменном виде, ни традиций, полностью, «с нуля» сконструированных. Гидденс, утверждавший, что выдуманы все традиции без исключения, скорее всего, в полемических целях намеренно заострил свою позицию. Хобсбаум, не отрицая существования «подлинных» традиций, так и не смог провести четкую грань между ними и традициями «изобретенными» — и постепенно о «подлинных» перестал даже упоминать. Но все же некоторые более или менее объективные критерии и градации аутентичности традиции существуют — хотя бы основанные на ее подтверждаемой фактами исторической глубине, да и на достоверности самих этих фактов. Для политического использования традиции эти критерии и градации не имеют почти никакого значения.

Тут будет достаточно одной иллюстрации. В России политические ценности, в том числе традиционные, принято описывать в самом обобщенном виде. Справедливость, свобода индивидуальная и национальная (то есть государственная самостоятельность и независимость, она же суверенитет), жизнь человека (его

благополучие и достоинство), мир и единство разнообразных культур, семейные традиции, любовь и верность, забота о младших и старших, патриотизм, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре... Как сообщил Медведев в своем первом президентском послании 2008 года, эти ценности «хорошо известны... таковы устои нашего общества, наши нравственные ориентиры. А говоря проще, таковы очевидные, всем понятные вещи, общее представление о которых и делает нас единым народом»¹¹. К сожалению, в таком виде эти ценности отнюдь не очевидны и не всем понятны. В них нет ничего специфически российского — невозможно назвать нацию, которая бы все или хоть что-то из перечисленного отрицала. «Якобы „очевидные, всем понятные вещи“ на деле нуждаются в гораздо более нюансированной проработке. В выяснении того, что именно понимается под свободой; каковы ее должные и допустимые пределы; как она соотносится со справедливостью и как следует разрешать их неминуемые конфликты; чего конкретно требует и что воспрещает патриотизм; что является критерием в неизбежной ситуации выбора между заботой о младших и попечением о старших» (Каспэ, 2012: 75) и т. п. Ведь «эталон ценностей — это различные предписания и правила... которые могут помочь актору делать свой выбор либо посредством ограничения набора приемлемых альтернатив, либо помогая ему предвидеть долговременные последствия различных альтернатив» (Парсонс, Шилз, Олдс, 2000: 487–488), в конечном счете сводимых к предельной дихотомии, к «обобщающей оценке „добро — зло“» (Вегас, 2007: 90). Нельзя выбрать сразу все ценностные альтернативы, даже если они номинально подпадают под одно зонтичное понятие вроде свободы, справедливости, семьи... или традиции. Более того, какими-то из них неизбежно придется пожертвовать, как бы ни хотелось насладиться, подобно Винни-Пуху, и медом, и стуженным молоком. «Выбор всегда содержит, по крайней мере имплицитно, жертву, поскольку актер не может получить все, что в каком-либо смысле может потенциально служить удовлетворению потребностей, и выбирающий „платит“ исключенными альтернативами. Оплата по таким счетам — дисциплинирующий элемент» (Парсонс, Шилз, Олдс, 2000: 490–491).

Так вот, чуть ли единственная «традиционная ценность», трактуемая в российском политическом дискурсе внятно и дихотомически («да — да, нет — нет») и именно потому оказывающая серьезное дисциплинирующее воздействие, — это поддержка традиционных форм семьи, брака, половых отношений и гендерной идентификации и, соответственно, отторжение нетрадиционных, в первую очередь гомосексуальных. О серьезности отношения к этой ценности говорит хотя бы то, что такова единственная традиция, упомянутая (с 2013 года) Кодексом об административных правонарушениях РФ и прямо им защищаемая (ст. 6.21 «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних»), причем упоминание это возникло в результате эвфемистической, но прозрачной

---

11. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1968>

замены слова «гомосексуализм» из первых версий законопроекта. Более того, та же установка не единожды была близка и к превращению в норму уголовного права — подобные инициативы вносились в Государственную Думу. Но и без такого усиления она имеет прямые политические проекции¹². В соответствующем фрейме гомосексуализм предстает как зло дважды чуждое: во-первых, новейшее, во-вторых, занесенное к родным пенатам извне. То, что еще пять веков назад старец псковского Спасо-Елеазарова монастыря Филофей в своем послании к великому князю Василию (Послание, 1998: 358–360), в котором была сформулирована идея Москвы как Третьего Рима, ужасался распространенности на Руси «содомского блуда» и считал его искоренение обязанностью православного государя, причем отнюдь не приписывая рассеивание сего «горького плевела» проискам геополитических оппонентов, в этот фрейм не укладывается и его поборниками полностью игнорируется. Как и другие исторические свидетельства, также относящиеся к эпохам вполне традиционным и ностальгически вспоминаемым традиционалистами, — скажем, о специфических отношениях царя Иоанна IV Грозного и его фаворита, боярина и опричника Федора Басманова, аналогичных наклонностях великих князей Константина Константиновича и Сергея Александровича Романовых или обыкновениях некоторых лейб-гвардейских полков. Но фундированному «традицией» современному политическому фреймированию эти обстоятельства, указывающие на существование традиции противоположного свойства, полностью иррелевантны.

Приведенная иллюстрация провокационна, но поучительна. На любую традицию можно найти контртрадицию. В российской культуре, как и в любой другой, есть традиции деспотизма — и народоправства, насилия — и ненасилия, милосердия — и жестокости, соборности — и самоволия, корыстолюбия — и бессребренничества, рачительности — и расточительности, верности Отечеству — и измены ему. Эффективность политического использования той или иной традиции определяется не их сравнительной аутентичностью, а тем, удастся ли управляющему политическому актору, апеллируя к той или иной традиции, вызвать желаемый отклик в управляемом объекте. То есть — в «широких народных массах». См. второй эпиграф.

---

12. Ср. многочисленные выступления члена Совета Федерации Елены Мизулиной, депутата Государственной Думы Виталия Милонова или, лучше всего, обращение депутата Государственной Думы Адама Делимханова к молодому чеченцу, ввязавшемуся в столкновения с полицией на московских несанкционированных акциях января 2021 года: «В Москве и в регионах ходят какие-то шайтаны, делают митинги. Типа, эти митингующие одобряют законы, по которым могут жениться мужик на мужике. Эти законы их устраивают, они просят эти законы принять в этом государстве... То, что ты сделал, преступление... Потому что люди типа Навального, которые говорят, что мужик может жениться на мужике, [нам] не подходят» (<https://zona.media/news/2021/01/24/redbluepill> — Данное сообщение (материал) создано и (или) распространено иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента).

В самом по себе различении элит и масс нет никакого высокомерия. Оно носит не оценочный, а аналитический характер, основываясь на социологическом разграничении центра и периферии в версии Шилза. Центр в этой модели — это «центр того порядка символов, ценностей и верований, который правит обществом» (Shils, 1975: 3); это «ядро ценностной системы общества, ее нередуцируемые, критически важные элементы» (Greenfeld, Martin, 1988: ix). «В известном смысле комплекс идеалов есть наиболее чистая форма центра. Идеалы конститутивны для центров» (Shils, 1988: 254). Другие аспекты центральности — институциональный и акторный (указывающий на совокупность индивидов и их группировок, отправляющих функции центра, на его человеческий субстрат) — важны, но вторичны по отношению к ценностному. И институты центра, и его функционеры производят, выражают, воплощают и распространяют центральные ценности, ключевые для политически организованного сообщества «серьезные вещи» (serious things), «мыслимые как фундаментальные, как определяющие человеческую участь, жизнь и смерть» (Ibid.: 251). Именно от них получают свою легитимность институты и функционеры центра. В том числе — и само право заниматься их производством, выражением, воплощением и распространением.

Периферия же представляет собой «подлежащие интеграции элементы, материал, на котором совершается творческая, социогенная функция центра» (Greenfeld, Martin, 1988: ix). Центр — место («не имеющее никакого отношения к геометрии и очень небольшое — к географии» [Shils, 1975: 3]) производства истины и власти. Периферия — место, где нет ни того, ни другого (точнее, где они присутствуют постольку, поскольку транслированы и имплантированы туда центром).

Конечно, реальная картина сложнее. Центр не монолитен, «один-единственный центр не способен господствовать над всем обществом и контролировать его» (Shils, 1988: 257). «Каждому обществу свойственна множественность центров, сцепленных друг с другом, поддерживающих друг друга, имеющих друг с другом персональные связи. Когда я использую термин „центр“, я подразумеваю под ним, в собирательном смысле слова, целый кластер центров и контрцентров» (Ibid.: 253). Периферия не монолитна тоже. Она «содержит в себе многочисленные субцентры» (Ibid.). Более того, центр-периферийные отношения не сводятся к однонаправленному доминированию:

Центр существует постольку, поскольку ищет и в некоторой степени достигает господства над перифериями; усилия центра обычно ограничиваются традициями [sic! — С. К.] (как его собственными, так и периферийными), недостаточностью ресурсов и возможностей, а также сопротивлением периферий, пассивным или активным. Ответы периферий разнообразны; они колеблются от выраженной или пассивной покорности и самосохранения через изоляцию до попыток отделения, сопротивления или даже завоевания превосходства над центром. Периферии могут пытаться стать автономными центрами или заместить собой действующие центры. (Ibid.: 253–254)

Центры и периферии обнаруживаются в любой социальной реальности, в том числе в российской. Функционеры центров (субцентров) — это и есть элиты, обитатели периферии (периферий) — массы. Первые властвуют (пытаются властвовать), вторые подчиняются (а если перестают подчиняться и начинают выдвигать собственные версии истины и власти, то утрачивают качество периферийности и формируют собственные центры). Традиции — и «изобретенные», и «подлинные», если таковые все-таки можно идентифицировать, — исходят от центров (субцентров) и ими же применяются в качестве инструментов политического управления. Потому что управляющие воздействия обращены от них к перифериям, не наоборот. А осуществляют их политические и интеллектуальные элиты. Они и есть функционеры центра. Они производят истину и власть (элиты академические — только истину без власти), актуальные смыслы, присваивая некоторым из них свойство «традиционности», чтобы тем самым придать им большую истинность и властность.

Вопрос заключается в том, возникает ли в процессе такого управления подлинный, не иллюзорный резонанс между управляющими и управляемыми. Из центров слышатся речи о традиции; из центров исходят решения, традицией мотивированные. Но что считают традицией периферии? Повышает ли ссылка на традицию эффективность управляющих воздействий? Или она нейтральна, не создает никакой добавленной стоимости? Или даже контрпродуктивна — вдруг традиция состоит вообще не в том, что стараются выдать за нее центры, и их старания лишь усугубляют отторжение перифериями чужеродных инициатив? Между прочим, именно эта проблема была поставлена в нашумевшем тексте Владислава Суркова, запомнившемся прежде всего образом «глубинного народа» и, видимо, основанном на личном опыте политического управления (то есть являющемся экспертным суждением):

На глянцевої поверхності блистає еліта, век за веком... вовлекающая народ в некоторые свои мероприятия... Народ в мероприятиях участвует, но несколько отстраненно, на поверхности не показывается, живя в собственной глубине совсем другой жизнью. Две национальные жизни, поверхностная и глубокая, иногда проживаются в противоположных направлениях, иногда в совпадающих, но никогда не сливаются в одну.

Глубинный народ всегда себе на уме, недостижимый для социологических опросов [sic! — С. К.], агитации, угроз и других способов прямого изучения и воздействия... Своей гигантской супермассой глубокий народ создает непреодолимую силу культурной гравитации, которая соединяет нацию и притягивает (придавливает) к земле (к родной земле) элиту. (Сурков, 2019)

С тем, что решение проблемы, как утверждает Сурков, уже найдено («умение слышать и понимать народ, видеть его насквозь, на всю глубину и действовать сообразно — уникальное и главное достоинство государства Путина... Следовательно, оно эффективно и долговечно» [Там же]), трудно согласиться. Если бы это

было так, то не потребовались бы недюжинные усилия, прилагаемые в том числе самим Путиным, к обеспечению эффективности и долговечности этого государства — причем мотивируемые именно тем, что оно все еще непрочно. «Мы во многом еще очень уязвимы, у нас многое, как говорят в народе, сделано на живую нитку» — в таких выражениях Путин обосновывал принятие в 2020 году поправок к Конституции, указывая на необходимость упрочения «наших духовных, исторических, нравственных ценностей, которые скрепляют поколения»¹³ (то есть, очевидно, традиций). Стало быть, и государство, и лежащие в его основе традиции все-таки преждевременно считать незыблемыми — тут уж главе государства виднее, чем кому-либо.

Установить, что именно является традицией с точки зрения масс (периферий, «глубинного народа»), затруднительно. Искомой «точки зрения» на традиции у них просто нет. Массы не то чтобы вовсе не рефлексиируют; но они рефлексиируют и, если дело до этого доходит, артикулируют свои рефлексии не в «категориях анализа», а в «категориях практики» (Брубейкер, Купер, 2010: 136–139). А термин «традиция» — категория аналитическая. Традиция существует для задающих соответствующие вопросы функционеров центра (обычно — для рефлексивных или функциональных интеллектуалов, действующих в рамках исходящего от политических элит формального или неформального заказа). Но для тех, кто на эти вопросы отвечает, она не существует a priori, то есть до того, как вопрос задан. Сам же ответ может оказаться обескураживающим. Показателен диалог, имевший место сразу после ставших сенсацией федерального уровня беспорядков в Кондопоге (2006 год) (подробнее см.: Григорьев, 2007). Конфликт между местными жителями и приезжими активно обсуждался на городских интернет-форумах. Туда же явились и визитеры из других городов и регионов, выражавшие поддержку горожанам или просто любопытствовавшие. Один из таких гостей сочувственно назвал очевидную, по его мнению, причину конфликта: мол, чужаки «нарушали ваши культурные и исторические традиции». На что местный житель раздраженно ответил незваному доброхоту: «У нас в Кондопоге две традиции — водка и телевизор»¹⁴. Лучшей иллюстрации несоответствия категорий анализа и категорий практики и быть не может.

Хотя есть еще одна — по меньшей мере сопоставимая по своей силе. Самой известной — почти каждому жителю не только России, но и большей части б. СССР — традицией является вот такая: «Каждый год 31 декабря мы с друзьями ходим в баню. Это у нас такая традиция». Тут примечательны два момента: во-первых, эта традиция очевидно свежесозданная, к реальным или воображаемым пращурам персонажей культового новогоднего фильма «Ирония судьбы, или С легким паром!» отношения не имеющая. То есть, вполне по Гидденсу и Хобсбауму, «изобретенная» — не важно, создателями фильма Эльдаром Рязановым и Эми-

13. <http://www.kremlin.ru/events/councils/by-council/1031/63591>

14. Подтверждающая ссылка за давностью лет не сохранилась. Цитирую по личным воспоминаниям, за достоверность которых, впрочем, ручаюсь.

лем Брагинским или придуманной ими компанией одноклассников Жени Лукашина. Во-вторых, эту традицию, безусловно входящую в состав *common knowledge*, «культурного кода» и «духовных скреп» целой цивилизации, никто и не думает соблюдать. Никакой повышенной заполняемости бань 31 декабря никогда не отмечалось.

Более того: всякий ли поведенческий стереотип, даже действительно, в отличие от новогоднего хождения в баню, наблюдаемый, следует квалифицировать как традицию? Он может возникнуть совсем недавно, и не в результате ценностного выбора, а как совершенно рациональный ответ масс (они вполне способны к рациональному действию, причем обладали этой способностью еще в иррациональные времена позднего социализма¹⁵) на изменение условий их существования. Таковы, например, практики, институты и нормы трансграничной торговли, быстро сложившиеся в некоторых лимитрофных регионах России (Калининградская область, Северо-Запад, почти весь Дальний Восток) после одновременного падения «железного занавеса» и краха прежней, советской модели жизнеобеспечения. Сегодня эти практики оцениваются властями преимущественно негативно и находятся под давлением. Можно ли отнести их к традиции — и интерпретировать выказываемое местными сообществами недовольство и оказываемое ими глухое сопротивление как противостояние периферийной традиции преобразующим усилиям центра? Как в этом свете трактовать, скажем, воздвигнутый в Благовещенске в 2008 году памятник торговцу-«челноку», до сих пор чтимый и простыми горожанами, и региональной элитой? Стоит ли пойти еще дальше, считая традицией любой социальный автоматизм, такой как вышеупомянутые «водка и телевизор» или привычка писать на заборах некоторые энергичные слова? Чисто логически это, наверное, допустимо. Но никакую логику не стоит доводить до абсурда. Потому что тогда понятие традиции окажется расширено сверх всякого разумного предела и утратит операциональность. В том числе и как инструмент политического управления.

Преодолевать эти затруднения можно двумя способами. Один — двигаться как бы в обход категорий анализа, пытаясь через прямое, глубокое, включенное наблюдение (даже погружение) прорваться к самим категориям практики, уловить их как они есть, не прибегая к интеллектуальным спекуляциям и концептуализациям. Такова исследовательская программа, давно и плодотворно реализуемая Симоном Кордонским (Кордонский, 2006, 2008; Кордонский, Плюсин, 2015; Kordonsky, 2018), фондом «Хамовники»¹⁶, чьим научным руководителем он является, его учениками и единомышленниками, а также рядом других исследователей, отчасти склоняющихся к той же парадигме (см., например: Бляхер, 2014; Бляхер, Ковалевский, 2020, 2021; Тимошкин, 2021). Этим способом действительно достига-

---

15. См. многочисленные работы и выступления Иосифа Дискина, например: Дискин, 1992, 2009, 2011, 2016.

16. <http://khamovniki.ru/#projects>

ются по-настоящему ценные результаты, в том числе политически референтные; но и у него есть свои слабые места.

Во-первых, перспектива полного избавления от чуждых практике категорий анализа иллюзорна. Они просто заменяются иными, возможно более адекватными (что не исключено), — но все равно категориями. Термины школы Кордонского — «титульные сословия», «промыслы», «гаражная экономика» и т. п. — ведь это тоже категории анализа, только другие и другого. Мышление же, вообще лишенное категориальной сетки классификаций и таксономий, немислимо по определению.

Во-вторых, получаемые таким способом сведения и данные неизбежно разрознены. Уникальные кейсы плохо интегрируются в нечто целостное, количественные оценки распространенности и силы тут или там, в тот или иной момент тех или иных паттернов невозможны. А значит, для целей политического управления это знание почти неприменимо — разве что для точечных, аварийных вмешательств, вроде случившегося в 2009 году в городе Пикалево (Максимов, 2010). Что делать, к какой традиции взывать (и нужно ли это), с какими традициями бороться (и бороться ли) тем политическим элитам, для которых объектом управления выступает вся Россия или хотя бы любой из ее регионов, решительно непонятно. А ведь такие элиты существуют.

Другой способ — все-таки не списывать прежде времени со счетов обычные, более стандартные (чтобы не сказать «традиционные») социологические методики. В конце концов, опасности «смещенной выборки», «социально одобряемых ответов», «спирали молчания» и т. п. давно и хорошо известны, равно как и компенсирующие их приемы, применение которых — вопрос исключительно профессиональной добросовестности. А «политическая культура», «национальная идентичность» или, скажем, «ценностная структура», прежде чем стать вполне конвенциональными «предметами исследования», были интеллектуальными артефактами, теоретическими конструктами. То, что с традицией дело обстоит подобным же образом, само по себе не создает никакой непреодолимой помехи к ее социологическому изучению.

Однако в этом изучении есть хорошо заметные дефициты и лакуны. Существуют огромные массивы данных о ценностной структуре российского общества, полученных в рамках грандиозных межстрановых проектов (таких как World Values Survey¹⁷, European Social Survey¹⁸, Global Barometer on Hope and Despair [Stoychev, 2015]), в ходе регулярных и *ad hoc* опросов, проводимых крупнейшими российскими социологическими службами, а также множества не столь масштабных зондажей. Предложены тонкие, глубокие, развернутые интерпретации этих данных (Инглхарт, Вельцель, 2011; Инглхарт, 2018; Магун, Руднев, Шмидт, 2015; Fabrykant, Magun, 2019; Петухов, 2011). Не менее урожайны исследовательские поля россий-

---

17. <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

18. <https://www.europeansocialsurvey.org>

ской политической культуры, идентичности и психологии масс¹⁹. Почти все авторы, возделывающие названные поля, так или иначе, имплицитно или эксплицитно, работают и с темой традиции. Но обычно происходит следующее. Некоторые констелляции установленных должным образом социологических фактов — но собранных для решения других задач, не имеющих прямого отношения к проблематике традиции — более или менее волюнтаристским образом объявляются «традиционными» и в дальнейшие логические построения включаются уже в этом приписанном им качестве. Исследований, точно сфокусированных на проблеме традиции, прямо и непосредственно направленных на выяснение того, что, почему, кем и в какой степени признается в современной России традиционным, в отечественных социальных науках, в том числе в политической социологии, до недавнего времени не было.

Такое исследование — «Восприятие традиционности и содержания политической традиции в политической культуре современной России» — выполнено в 2021 году группой ЦИРКОН. Знакомство с ним стало для меня главным стимулом к написанию этой статьи; оно во многих отношениях уникально. Тема традиции раскрывается в нем в многомерном пространстве смысловых и ценностных оппозиций: современное/несовременное, свое/чужое, естественное/инородное, аутентичное/реконструированное, привычное/непривычное и т. д. Устанавливается, в какой мере *de facto* существующие формальные и неформальные политические и, шире, политически референтные институты и нормы воспринимаются как культурно и исторически обусловленные, а в какой — как чуждые, привнесенные извне, неорганичные. Предпринята фактически первая попытка доказательно ответить на важнейший для политического использования традиции вопрос: насколько действительно эффективна апелляция к традиции, способна ли она играть ту интегрирующую и легитимирующую роль, исполнения которой от нее ожидают апеллирующие? Более того, протестированы и некоторые потенциально возможные институциональные и нормативные вариации политических практик — на предмет оценки их шансов быть воспринятыми как соответствующие российской традиции или отторгнутыми как противоречащие ей. Немаловажно, что исследование группы ЦИРКОН включает в себя не только репрезентативный опрос (его основные результаты уже доступны²⁰), но и экспертные процедуры (их материалы также будут в скором времени опубликованы). Тем самым выявляются различия в восприятии традиции массами и интеллектуальными элитами — чьи мнения, транслируясь элитам политическим, влияют, с неизбежными коррективами, и на процесс политического управления.

Безусловно, уникальная работа группы ЦИРКОН представляет собой только первый шаг к реализации большой и амбициозной исследовательской программы. Но если за этим шагом последуют и другие, то возникнет надежда на то, что интел-

---

19. Настолько урожайны, что даже выборочный обзор литературы превзошел бы все допустимые объемы.

20. <http://traditions.zircon.tilda.ws/#rec321382124>

лигентские контрверзы о подлинном содержании российской традиции, обретая под собой надежное эмпирическое основание, станут более содержательными, а ее политическое использование — более осмысленным. Что и то, и другое будет хотя бы реже приводить на ум бессмертную формулу Андрея Платонова: «совокупление слепых в крапиве».

Литература

- Арутюнова Е. М. (2009). Идеология российской идентичности в дискурсе президентов РФ // *Дробижева Е. М.* (ред.). *Российская идентичность в Москве и регионах*. М.: Макс-Пресс. С. 47–68.
- Бляхер Л. Е. (2014). Искусство неуправляемой жизни: Дальний Восток. М.: Европа.
- Бляхер Л. Е., Ковалевский А. В. (2020). Что это было? (Предварительная рефлексия о хабаровских митингах) // *Полития*. № 4. С. 108–136.
- Бляхер Л. Е., Ковалевский А. В. (2021). Без лидеров, лозунгов и транспарантов: борьба за город и рутинное сопротивление в частном секторе городов востока России (на примере Хабаровска) // *Полития*. № 1. С. 75–105.
- Брубейкер Р., Купер Ф. (2010). За пределами «идентичности» / Пер. с англ. Д. Кучеровой под ред. А. Семёнова и М. Могильнер // *Герасимов И., Могильнер М., Семёнов А.* (ред.). *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма*. М.: Новое издательство. С. 131–192.
- Бурдые П. (1993). Социальное пространство и генезис «классов» / Пер. с фр. Н. А. Шматко // *Бурдые П.* *Социология политики*. М.: Socio-Logos. С. 55–97.
- Вебер М. (1990). Политика как призвание и профессия / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // *Вебер М.* *Избранные произведения*. М.: Прогресс. С. 644–706.
- Вебер М. (2016). *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*. Т. 1: Социология / Пер. с нем. под общ. ред. Л. Г. Ионина. М.: ВШЭ.
- Вегас Х. М. (2007). *Ценности и воспитание: критика нравственного релятивизма*. СПб.: СПбГУ, РХГА.
- Гаврилов Д. А., Наговицын А. Е. (2002). *Боги славян. Язычество. Традиция*. М.: Рефл-бук.
- Гаврилова М. В. (2020). Скрепсы страха: как борцы за традиционные ценности избрывают новое прошлое. URL: <https://knife.media/no-tradition> (дата доступа: 20.01.2022).
- Галактионова Н. А. (2013). Дискурс власти в посланиях губернатора Тюменской области // *Лаврентьев С. Н. и др.* (ред.). *Культурологические и социолингвистические аспекты исследования коммуникации*. Уфа: БАГСУ. С. 84–95.
- Гидденс Э. (2004). *Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь* / Пер. с англ. М. Л. Коробочкиной. М.: Весь мир.
- Гофман А. Б. (2008). *Социология традиции и современная Россия* // *Горшков М. К.* (ред.). *Россия реформирующаяся: Ежегодник*. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН. С. 334–352.

- Григорьев М. С. (2007). Кондопога: что это было. М.: Европа.
- Дискин И. Е. (1992). Социокультурный базис перестройки. М.: Наука.
- Дискин И. Е. (2009). Кризис... И все же модернизация! М.: Европа.
- Дискин И. Е. (2011). Россия, которая возможна. М.: Юрист.
- Дискин И. Е. (2016). Институты: загадка и судьба. М.: РОССПЭН.
- Ельцин Б. Н. (2000). Президентский марафон. М.: АСТ.
- Ильин М. В. (2020). Юрий Пивоваров — патриот и традиционалист // *Полития*. № 2. С. 192–196.
- Инглхарт Р. Ф. (2018). Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Пер. с англ. С. Л. Лопатиной. М.: Мысль.
- Инглхарт Р. Ф., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое издательство.
- Кавыкин О. И. (2004). Родноверие — новое религиозное течение в современной России // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 102–110.
- Каспэ С. И. (2012). Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М.: РОССПЭН.
- Клямкин И. М. (ред.). (2007). Российское государство: вчера, сегодня, завтра. М.: Новое издательство.
- Кордонский С. Г. (2006). Рынки власти (административные рынки СССР и России). М.: ОГИ.
- Кордонский С. Г. (2008). Сословная структура постсоветской России. М.: ФОМ.
- Кордонский С. Г., Плюснин Ю. М. (2015). Социологические экспедиции кафедры местного самоуправления НИУ ВШЭ // *Laboratorium*. Т. 7. № 2. С. 71–81.
- Магун В. С., Руднев М. Г., Шмидт П. (2015). Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // *Вестник общественного мнения*. № 3–4. С. 74–93.
- Максимов Б. И. (2010). Явление России в Пикалево // *Социологические исследования*. № 4. С. 42–53.
- Михельсон А. Д. (1865). Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М.: А. И. Манухин.
- Парсонс Т., Шилз Э., Олдс Дж. (2000). К общей теории действия: теоретические основания социальных наук. Ч. 2: Ценности, мотивы и системы действия // *Парсонс Т. О структуре социального действия*. М.: Академический проект. С. 464–572.
- Петухов В. В. (2011). Ценностная палитра современного российского общества: «идеологическая каша» или поиск новых смыслов? // *Мониторинг общественного мнения*. № 1. С. 6–23.
- Пивоваров Ю. С. (2006). Русская политическая традиция и современность. М.: ИНИОН РАН.
- Пивоваров Ю. С. (2014). Русское настоящее и советское прошлое. М.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга.

- Послание к великому князю Василию, в нем же о исправлении крестного знамения и о содомском блуде // *Синицына Н. В.* Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. С. 358–364.
- Салмин А. М.* (2010). A la recherche du sens perdu: российская интеллектуальная элита и постсоветская власть // *Салмин А. М.* Избранные статьи. М.: Форум. С. 226–300.
- Сурков В.* (2019). Долгое государство Путина // Независимая газета. 11.02.2019. URL: https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата доступа: 20.01.2022).
- Тимошкин Д. О.* (2021). Сны о пройденной границе: беспризорники, торговцы, городские политические режимы в «войнах памяти» о городе «девяностых» // *Полития*. № 1. С. 106–136.
- Уортман Р. С.* (2002). Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии / Пер. с англ. С. В. Житомирской. М.: ОГИ.
- Ухватова М. В.* (2018). «Напутствия охранителей»: религиозная риторика на инаугурациях губернаторов в России // *Полития*. № 2. С. 84–101.
- Хантингтон С.* (2004). Политический порядок в меняющихся обществах / Пер. с англ. В. Р. Рокитянского. М.: Прогресс-Традиция.
- Хобсбаум Э.* (2000). Изобретение традиций / Пер. с англ. С. Панарина // *Вестник Евразии*. № 1. С. 47–62.
- Шацкий Е.* (1990). Утопия и традиция / Пер. с польск. под ред. В. А. Чаликовой. М.: Прогресс.
- Штомпка П.* (1996). Социология социальных изменений / Пер. с англ. А. С. Дмитриева под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс.
- Эйзенштадт Ш.* (1999). Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А. В. Гордона. М.: Аспект Пресс.
- Элиас Н.* (2000). Понятие фигурации / Пер. с нем. Р. Е. Гергилова // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. III. № 3. С. 62–65.
- Янов А. Л.* (2007–2009). Россия и Европа: 1462–1921. М.: Новый хронограф.
- Congar Y.* (2004). The Meaning of Tradition. San Francisco: Ignatius Press.
- Eisenstadt S. N.* (1973). Tradition, Change, and Modernity. N.Y.: Wiley.
- Fabrykant M., Magun V.* (2019). Dynamics of National Pride Attitudes in Post-Soviet Russia, 1996–2015 // *Nationalities Papers*. Vol. 47. № 1. P. 20–37.
- Greenfeld L., Martin M.* (1988). The Idea of the «Center»: An Introduction // *Greenfeld L., Martin M.* (eds.). Center: Ideas and Institutions. Chicago: University of Chicago Press. P. viii–xxii.
- Kordonsky S.* (2018). The Social Structure of Russia // *Studin L.* (ed.). Russia: Strategy, Policy and Administration. L.: Palgrave Macmillan. P. 75–85.
- Lasswell H. D., Kaplan A.* (1950). Power and Society: A Framework for Political Inquiry. New Haven: Yale University Press.
- Shils E.* (1975). Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago: University of Chicago Press.
- Shils E.* (1981). Tradition. Chicago: University of Chicago Press.

- Stoychev K. (ed.) (2015). *Voice of the People 2015*. Zurich: WIN/Gallup International.
URL: <http://www.gallup-international.com/wp-content/uploads/2017/10/GIA-Book-2015.pdf> (дата доступа: 20.01.2022).
- van Deth J. W., Scarbrough E. (1998). *The Concept of Values // van Deth J. W., E. (eds.). The Impact of Values*. Oxford: Oxford University Press. P. 21–47.

Many Skeletons in This Closet: The Political Use of Tradition in Modern Russia

Svyatoslav Kaspe

Doctor of Sciences in Politics, Professor, School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University

Editor-in-Chief in the Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics "Politeia"

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: kaspe@politeia.ru

The author sees tradition as a special type of human interaction, typical of modern and changing societies rather than of traditional ones; for that reason, his focus is on its use as a category of political struggle and as an instrument of power. There are four strata of modern Russia, and tradition has its own *modus operandi* in each of them. These groups are the scientific community, the intellectual elites (reflexive and functional), the political elites, and the masses (the latter covering all groups not belonging to the listed above). The scientific community generally adheres to the ethos of professional neutrality. Intellectual elites produce more-or-less politically-biased interpretations of tradition, guided both by their moral pathos and by their contractual obligations to the political elites. The latter use tradition directly as a tool of political governance. Such use is (a) instrumental, (b) quite indifferent to the content of those policies and courses that are intended to serve, and (c), quite indifferent to the authenticity of the tradition as such. However, the effectiveness of these impetuses from the elite directed at the masses remains highly questionable. Until recently, no research has been conducted to find out what the Russian masses consider to be traditional, and how positively this tradition is perceived. The situation has only started to change in recent years, thanks to the work of the ZIRCON group. For the time being, however, it is not known to what extent resorting to tradition (that is, to the kind of substantivized speculation that is suggested to be seen as tradition) could play in the integrating and legitimizing role which the political elites expect from it.

Keywords: tradition, values, modern Russia, intellectual elites, political elites, political use of tradition, mass consciousness

References

- Arutjunova E. (2009) *Ideologija rossijskoj identichnosti v diskurse prezidentov RF [Ideology of Russian Identity in the Discourse of Russian Presidents]. Rossijskaja identichnost' v Moskve i regionah [Russian Identity in Moscow and the Regions]* (ed. E. Drobizheva), Moscow: Maks-Press, pp. 47–68.
- Bliakher L. (2014) *Iskusstvo neupravljajemoj zhizni: Dal'nij Vostok [The Art of Uncontrollable Life: The Far East]*, Moscow: Evropa.
- Bliakher L., Kovalevsky A. (2020) *Chto jeto bylo? (Predvaritel'naja refleksija o habarovskih mitingah) [What was It? Preliminary Reflection on Khabarovsk Rallies]. Politeia, no 4, pp. 108–136.*

- Bliakher L., Kovalevsky A. (2021) Bez liderov, lozungov i transparentov: bor'ba za gorod i rutinnoe soprotivlenie v chastnom sektore gorodov vostoka Rossii (Na primere Habarovska) [Without Leaders, Mottos or Billboards: Fight for the City and Routine Resistance in the Private Sector of Cities in East Russia (Case of Khabarovsk)]. *Politeia*, no 1, pp. 75–105.
- Bourdieu P. (1993) Social'noe prostranstvo i genezis "klassov" [The Social Space and the Genesis of Groups]. *Sociologija politiki* [Sociology of Politics], Moscow: Socio-Logos, pp. 53–98.
- Brubaker R., Cooper F. (2010) Za predelami "identichnosti" [Beyond "Identity"]. *Mify i zabluzhdenija v izuchenii imperii i nacionalizma* [Myths and Misconceptions in Studies of Nationalism and Empire] (eds. I. Gerasimov, M. Mogilner, A. Semienov), Moscow: Novoe izdatelstvo, pp. 131–192.
- Congar Y. (2004) *The Meaning of Tradition*, San Francisco: Ignatius Press.
- Diskin I. (1992) *Sociokul'turnyj bazis perestrojki* [The Socio-cultural Foundations of Perestroika], Moscow: Nauka.
- Diskin I. (2009) *Krizis... I vse zhe modernizacija!* [Crisis . . . and Still Modernization!], Moscow: Evropa.
- Diskin I. (2011) *Rossija, kotoraja vozmozhna* [Possible Russia], Moscow: Yurist.
- Diskin I. (2016) *Instituty: zagadka i sud'ba* [Institutions: Mystery and Destiny], Moscow: ROSSPEN.
- Eisenstadt S. N. (1973) *Tradition, Change, and Modernity*, New York: Wiley.
- Eisenstadt S. N. (1999) *Revoljucija i preobrazovanie obshhestv: sravnitel'noe izučenie civilizacij* [Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations], Moscow: Aspekt Press.
- Elias N. (2000) Ponjatie figuracii [The Concept of Figuration]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 3, no 3, pp. 62–65.
- Fabrykant M., Magun V. (2019) Dynamics of National Pride Attitudes in Post-Soviet Russia, 1996–2015. *Nationalities Paper*, vol. 47, no 1, pp. 20–37.
- Galaktionova N. (2013) Diskurs vlasti v poslanijah gubernatora Tjumenskoj oblasti [The Discourse of Power in the Addresses of the Governor of the Tyumen region]. *Kul'turologičeskie i sociolingvističeskie aspekty issledovanija kommunikacii* [Cultural and Sociolinguistic Aspects of Communication Research] (ed. S. Lavrentiev), Ufa: BAGSU, pp. 84–95.
- Gavrilov D., Nagovitsyn A. (2002) *Bogi slavjan. Jazyčestvo. Tradicija* [Gods of Slavs. Paganism. Tradition], Moscow: Refl-book.
- Giddens A. (2004) *Uskol'zajushhij mir: kak globalizacija menjaet nashu zhizn'* [Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives], Moscow: Ves' mir.
- Gofman A. (2008) Sociologija tradicii i sovremennaja Rossija [Sociology of Tradition and Modern Russia]. *Rossija reformirujushhajasja. Ezhegodnik. Vypusk 7* [Reforming Russia. Yearbook. Issue 7] (ed. M. Gorshkov), Moscow: Institute of sociology RAN, pp. 334–352.
- Greenfeld L., Martin M. (1988) The Idea of the "Center": An Introduction. *Center: Ideas and Institutions* (eds. L. Greenfeld, M. Martin), Chicago: University of Chicago Press, pp. viii–xxii.
- Grigoriev M. (2007) *Kondopoga: čto jeto bylo* [Kondopoga: What was that], Moscow: Evropa.
- Hobsbawm E. (2000) Izobretenie tradicij [Inventing Traditions]. *Vestnik Evrazii*, no 1, pp. 47–62.
- Huntington S. (2004) *Politicheskiy porjadok v menjajushhajsja obshhestvah* [Political Order in Changing Societies], Moscow: Progress-Traditsia.
- Ilyin M. (2020) Yuri Pivovarov — patriot i tradicionalist [Yuri Pivovarov — Patriot and Traditionalist]. *Politeia*, no 2, pp. 192–196.
- Inglehart R. F. (2018) *Kul'turnaja jevoljucija. Kak izmenjajutsja cheloveče-skie motivacii i kak jeto menjaet mir* [Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World], Moscow: Mysl'.
- Inglehart R. F., Welzel C. (2011) *Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija: posledovatel'nost' chelovečeskogo razvitija* [Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence], Moscow: Novoe izdatelstvo.
- Kaspe S. (2012) *Politicheskaja teologija i nation-building: obshhie polohenija, rossijskiy sluchaj* [Political Theology and Nation-Building: A General Provisions, a Russian Case], Moscow: ROSSPEN.
- Kavykin O. (2004) Rodnoverie — novoe religioznoe tečenie v sovremennoj Rossii [Rodnovers — A New Religious Movement in Modern Russia]. *Social Sciences and Contemporary World*, no 3, pp. 102–110.

- Klyamkin I. (ed.) (2007) *Rossijskoe gosudarstvo: vchera, segodnja, zavtra* [The Russian State: Yesterday, Today, Tomorrow], Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Kordonsky S. (2018) The Social Structure of Russia. *Russia: Strategy, Policy and Administration* (ed. L. Studin), London: Palgrave Macmillan, pp. 75–85.
- Kordonsky S. (2006) *Rynki vlasti (administrativnye rynki SSSR i Rossii)* [Markets of Power: The Administrative Markets of USSR and Russia], Moscow: OGI.
- Kordonsky S. (2008) *Soslovnaja struktura postsovetskoj Rossii* [The Estate Structure of Modern Russia], Moscow: FOM.
- Kordonsky S., Plyusnin Y. (2015) Sociologicheskie jekspedicii kafedry mestnogo samoupravlenija NRU HSE [Field Research Training in the Department of Local Administration of the National Research University — Higher School of Economics]. *Laboratorium*, vol. 7, no 2, pp. 71–81.
- Lasswell H. D., Kaplan A. (1950) *Power and Society: A Framework for Political Inquiry*, New Haven: Yale University Press.
- Magun V., Rudnev M., Schmidt P. (2015) Evropejskaja cennostnaja tipologija i bazovye cennosti rossijan [Russian Basic Human Values through the Lens of the European Value Types]. *Russian Public Opinion Herald*, vol. 121, no 3–4, pp. 74–93.
- Maksimov B. (2010) Javlenie Rossii v Pikalevo [Manifestation of Russia in Pikalevo]. *Sociological Studies*, no 4, pp. 42–53.
- Mikhelson A. (1865) *Ob'jasnenie 25 000 inostrannyh slov, voshedshih v upotreblenie v russkij jazyk, s oznacheniem ih kornej* [The Explanation of 25,000 Foreign Words Entered the Russian Language, with Denotation of their Roots], Moscow: A. I. Manukhin.
- Parsons T., Shils E., Olds J. (2000) K obshhej teorii dejstvija. Teoreticheskie osnovanija social'nyh nauk. Part 2: Cennosti, motivy i sistemy dejstvija [Toward a General Theory of Action. Theoretical Foundations for the Social Sciences. Part 2: Values, Motives, and Systems of Action]. Parsons T., *O strukture social'nogo dejstvija* [On the Structure of Social Action], Moscow: Akademicheskij proekt, pp. 464–572.
- Petukhov V. (2011) Cennostnaja palitra sovremennogo rossijskogo obshhestva: "ideologicheskaja kasha" ili poisk novyh smyslov? [The Palette of the Values of the Modern Russian Society: An Ideological Mash-Up or the Search of the New Meanings?]. *Monitoring of Public Opinion*, no 1, pp. 6–23.
- Pivovarov Y. (2006) *Russkaja politicheskaja tradicija i sovremennost'* [Russian Political Tradition and Modernity], Moscow: INION RAN.
- Pivovarov Y. (2014) *Russkoe nastojashhee i sovetskoe proshloe* [The Russian Present and the Soviet Past], Moscow: Centr gumanitarnyh initsiativ; Universitetskaja kniga.
- Poslanie k velikomu knjazju Vasiliju, v nem zhe o ispravlennii krestnogo znamenija i o sodomskom blude [The Letter to the Great Prince Vassilij, Including the Words About the Correction of the Sign of the Cross, and About the Sodomian Fornication]. Sinitsyna N. V., *Tretij Rim: Istoki i jevoljucija russkoj srednevekovoj koncepcii (XV–XVI vv.)* [The Third Rome: The Origins and Evolution of the Russian Medieval Conception (15th–16th Centuries)], Moscow: Indrik, pp. 358–364.
- Salmin A. (2010) A la recherche du sens perdu. Rossijskaja intellektual'naja jelita i postsovetskaja vlast' [A la recherche du sens perdu: The Russian Intellectual Elite and the Post-Soviet Power]. *Izbrannye stat'i* [Selected Works], Moscow: Forum, pp. 226–300.
- Shils E. (1975) *Center and Periphery: Essays in Macrosociology*, Chicago: University of Chicago Press.
- Shils E. (1981) *Tradition*, Chicago: University of Chicago Press.
- Stoychev K. (ed.) (2015) Voice of The People 2015, Zurich: WIN/Gallup International. Available at: <http://www.gallup-international.com/wp-content/uploads/2017/10/GIA-Book-2015.pdf> (accessed 27 January 2022).
- Surkov V. (2019) Dolgoe gosudarstvo Putina [A Long State of Putin]. *Nezavisimaja gazeta*, 11.02.2019. Available at: https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (accessed 27 January 2022).
- Szacki J. (1990) *Utopija i tradicija* [Utopia and Tradition], Moscow: Progress.
- Sztompka P. (1996) *Sociologija social'nyh izmenenij* [The Sociology of Social Change], Moscow: Aspekt Press.

- Timoshkin D. (2021) Sny o projdennoj granice: besprizorniki, torgovcy, gorodskie politicheskie rezhimy v "vojnah pamjati" o gorode "devjanostyh" [Dreams about an Overcome Boundary: Street Children, Vendors, Urban Political Regimes in "Wars of Memories" about the City of the "Nineties"]. *Politeia*, no 1, pp. 106–136.
- Ukhvatova M. (2018) "Naputstvija ohranitelej": religioznaja ritorika na inauguracijah gubernatorov v Rossii ["Blessing of the Guardians": Religious Rhetoric at Inauguration of Governors in Russia]. *Politeia*, no 2, pp. 84–101.
- van Deth J. W., Scarbrough E. (1998) The Concept of Values. *The Impact of Values* (eds. J. W. van Deth, E. Scarbrough), Oxford: Oxford University Press, pp. 21–47.
- Vegas J. M. (2007) *Cennosti i vospitanie: kritika nravstvennogo reljativizma* [Values and Education: Criticizing Moral Relativism], Saint Petersburg: SPSU, RHGA.
- Weber M. (1990) Politika kak prizvanie i professija [Politics as a Vocation]. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works], Moscow: Progress, pp. 644–706.
- Weber M. (2016) *Khozjaistvo i obshchestvo: ocherki ponimajushchej sotsiologii. T. 1: Sotsiologija* [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology, Vol. 1: Sociology], Moscow: HSE.
- Wortman R. S. (2002) *Scenarii vlasti: mify i ceremonii russkoj monarhii* [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy], Moscow: O.G.I.
- Yanov A. (2007–2009) *Rossija i Evropa: 1462–1921* [Russia and Europe: 1462–1921], Moscow: Novy khronograf.
- Yeltsin B. (2000) *Prezidentskij marafon* [Midnight Diaries], Moscow: AST.